

«Расслабились — и тут же получили по морде»

-

Автор: Егор Гайдар

Дата публикации: 24.07.2008

Серия: The New Times, №29[75] от 20 июля 2008

Аннотация:

Мировая финансовая система переживает непростые времена. Крупнейшая экономика — американская — испытывает серьезные проблемы, при этом доллар становится все дешевле. Стоимость сырья остается высокой, замедляется экономический рост и ускоряется инфляция. Насколько глубоки и долгосрочны эти тенденции и как они отражаются на российской экономике, The New Times рассказал директор Института экономики переходного периода Егор Гайдар

Оглавление:

Сегодняшнее положение дел в мировой экономике во многом зависит от цены на нефть. А она, вопреки многим прогнозам, колеблется у рекордно высоких отметок. Как долго будет продолжаться подобный тренд?

Прогнозирование цен на нефть — опасная вещь для профессиональной репутации. Лучшая работа, которую мне довелось читать о цене на нефть, а я читал их сотни, посвящена тому, почему ее нельзя прогнозировать. Участники рынка вкладывают огромные средства, чтобы получить точную аналитику. От ее качества зависит, выиграют они или потеряют миллиарды долларов. Но точных прогнозов пока делать никто не научился. Это своеобразный рынок с разной эластичностью по цене в короткой и долгосрочной перспективе, к тому же сильно изменившийся за последние 20 лет. В начале 1980-х годов рынка нефтяных фьючерсов не существовало. Он появился после того, как ушли в прошлое долгосрочные контракты по нефти. На этот рынок пришли спекулянты. Я использую этот термин в сугубо биржевом смысле: спекулянты — люди, которые берут на себя риски, выигрывая либо проигрывая. Сегодня из-за объема фьючерсных контрактов рынок нефти функционирует подобно финансовому рынку. А финансовые рынки волатильны. Там велика роль игроков, для которых горизонт принятия решений — от одного дня до недели. Их не волнует, что будет с рынком через год или даже через месяц: они через 5 дней закроют свои контракты.

Круто вниз

Но принимая решения даже на день вперед, надо руководствоваться какой-то информацией. На что ориентируются спекулянты?

Информация на нефтяном рынке запутанна и противоречива. Из ОПЕК и Международного энергетического агентства приходят разные данные об объемах добычи, о резервных мощностях. Поэтому рынок склонен реагировать на простые индикаторы: скажем, на последние недельные данные о запасах нефти в США. Глобальные тенденции, открытие новых месторождений, изменение спроса и предложения игроков волнуют меньше. В этой связи прогнозировать рынок невозможно. Можно лишь сказать, что здесь действует стадный инстинкт. Каждый участник ждет, пока остальные решат, что рынку пора идти вниз. После того как это случится, физических ограничений для глубины падения цены не будет. Некоторые аналитики пишут о том, что уж ниже \$60 за баррель мы цены больше не увидим, поскольку серьезные деньги вложены в проекты, которые окупаются только на таком уровне. Да наплевать ключевым участникам рынка на то,

какие проекты окупятся или не окупятся! Надо понять — чем дальше цена нефти идет вверх, тем больше риск, что она не просто пойдет вниз, а покатится круто.

Есть мнение, что еще немного — и экономики ряда государств, из числа тех, что послабее, просто не выдержат нынешнего уровня нефтяных цен и рухнут. Но пока этого не происходит. Насколько мировая экономика адаптировалась к цене барреля от \$100 и выше?

В целом адаптировалась неплохо — и это сюрприз. Если бы лет пять назад кто-нибудь устроил опрос экспертов на тему, способна ли мировая экономика без глобального кризиса адаптироваться к уровню цен на нефть \$130–140 за баррель, — был бы консенсус в том, что это невозможно. Нет, она, конечно, и сейчас реагирует на этот уровень цен. Замедление экономического роста в мире — реальность. Впрочем, подобное случается не в первый раз. Замедлению мирового роста в 2001 году также предшествовало существенное увеличение цен на нефть.

Плата за расходы

Россия вроде бы заинтересована в высоких ценах на нефть: с ними связаны рост ВВП, поступления в бюджет, укрепление рубля... А усматриваете ли вы в нынешнем уровне нефтяных цен угрозы для российской экономики?

Такие угрозы есть. Я пришел работать в российское правительство после того, как цены на нефть упали в 4 раза — где-то до \$18 за баррель, Советский Союз обанкротился. Если бы мне тогда сказали, что в условиях высоких цен на нефть управлять нефtezависимой страной тоже очень непросто, я бы не поверил. Сейчас вижу, насколько это тяжело. Растет политическая поддержка любых расходных проектов: политикам приятно принимать на себя такие обязательства. Трудно объяснить, что если сегодня цены на нефть высокие, это не значит, что они будут такими всегда. Если ты сегодня принял на себя расходные обязательства, их потом трудно отменить. А речь идет о цене на нефть — параметре, от которого наш бюджет сильно зависит. Именно поэтому странам, экономика которых связана с состоянием сырьевых рынков, надо проводить консервативную финансовую политику.

Как в этом отношении можно оценить нашу финансовую политику?

Пока она проводится прилично. Правда, в 2007 году наделали ошибок: видимо, под влиянием выборов решили, что можем себе позволить увеличить бюджетные расходы. Казалось бы, профицит бюджета большой, и с финансовой точки зрения нам ничего не угрожает. Но такие темпы увеличения расходов приводят к росту инфляции. Это и произошло: позволили себе расслабиться, резко — на 20% в реальном исчислении — нарастили бюджетные расходы. Тут же получили по морде. И до сих пор получаем. Есть инерционная инфляция, связанная именно с программой увеличения бюджетных расходов прошлого года.

Но ведь инфляция растет по всему миру?

Да, мы наблюдаем глобальный инфляционный тренд, который накладывается на наш российский, что только усугубляет ситуацию. А также серьезно осложняет принятие решений, направленных на борьбу с замедлением экономического роста. Мы столкнулись с угрозой стагфляции, аналогичной той, что была в мировой экономике во второй

половине 1970-х годов, когда экономика не растет, зато растут цены. Надо понимать, что налицо серьезный вызов.

При этом в экономическом блоке российского правительства идут дискуссии: не мешает ли борьба с инфляцией экономическому росту...

Такие разговоры идут всегда и везде. Вопрос в том, какое решение принимает политическое руководство. Вы думаете, в китайском политическом руководстве не было дискуссии о том, стоит ли заплатить за борьбу с инфляцией торможением экономического роста? Но в октябре прошлого года там было принято твердое и однозначное решение, что если за снижение аномально высокой, по китайским меркам, инфляции надо заплатить уменьшением темпов экономического роста, то они заплатят, потому что иначе потом придется платить больше. Я с таким подходом согласен.

Риски на будущее

Какие еще риски вы видите для нашей экономики?

Прежде всего это риск нестабильности банковской системы. Не надо интерпретировать мои слова так, как будто я прогнозирую банковский кризис. Я говорю о другом — о рисках, связанных с изменением баланса по капитальным операциям по сравнению с прошлым годом, о возможности того, что подобные изменения будут резкими на фоне финансовых потрясений, происходящих в мире. Эти риски можно регулировать. У Центробанка достаточно инструментов для управления ликвидностью банковской системы. И у нас компетентное руководство ЦБ. В прошлый раз, когда мы столкнулись с подобной проблемой в начале октября прошлого года, оно оперативно справилось с ситуацией. При этом надо понимать, что Центробанку приходится соблюдать баланс, решая одновременно две противоречивые задачи: с одной стороны, не допустить банковского кризиса, а с другой — добиться постепенного снижения инфляции.

Как вы оцениваете ситуацию на международном валютном рынке, в частности, продолжающееся ослабление доллара по отношению к другим мировым валютам?

Не в слабости доллара проблема валютного рынка, а в том, что он пока не адаптирован к увеличению роли Китая в мировой экономике. Рассказывать китайскому руководству, как надо вести курсовую политику, — занятие бесперспективное. Но то, что при серьезном росте доли экономики этой страны китайский юань не конвертируем по капитальным операциям, — серьезная проблема. Вместо того чтобы адаптироваться к росту доли Китая в мировой экономике естественным образом — за счет укрепления курса юаня, финансовый мир реагирует на это истерически. Отсюда и масштабные колебания курса доллара и евро.

И как на этом фоне смотрится российский рубль?

То, что наши денежные власти делают в курсовой политике, на мой взгляд, разумно. Они не объявляют своей курсовой политики. В противном случае она становится слишком прогнозируемой, удобной для спекулянтов, которые могут начать играть как в сторону укрепления курса рубля, так и в сторону его ослабления. Курс рубля ориентирован не на доллар, а на корзину валют. По отношению к ней он достаточно стабилен в номинальном выражении.

Возможно, стоит более резко укрепить рубль, чтобы обуздать инфляцию?

Такие рецепты хорошо смотрятся в аналитической статье. В реальной жизни это рискованная игра. Трудно предугадать, что получится в результате. Можно получить и резкое увеличение контрактов на закупку рубля, соответственно — рост притока спекулятивного капитала, ускорение инфляции. Возможно, сейчас, в условиях мирового финансового кризиса, можно поэкспериментировать с такой политикой, исходя из гипотезы, что она сработает на фоне утечки спекулятивного капитала на американский рынок. Но я бы, например, на месте председателя ЦБ на такие эксперименты не решился. Ведь отвечать за последствия придется ему, а не тем, кто пишет теоретические статьи.

В зоне турбулентности

Насколько реальна цель, поставленная нашим высшим руководством, — сделать рубль региональной резервной валютой?

Сделать рубль аналогом доллара и евро — задача в среднесрочной перспективе не решаемая. А придать рублю в мировой финансовой системе роль, подобную той, что играют фунт стерлингов, канадский или австралийский доллар, — реально. Это уважаемая роль резервной валюты второго плана. Россия сейчас всерьез обсуждает вопрос о том, чтобы в наши валютные резервы включить швейцарский франк. Понятно, что за швейцарским франком стоит вековая история стабильности. Рубль пока такой историей похвастаться не может. Ставить задачу сделать рубль мировой резервной валютой за два года бессмысленно. А сделать это лет за 15 — если проводить разумную и ответственную финансовую политику, — задача, имеющая решение.

Могут ли потрясения на финансовых рынках развернуться в полномасштабный мировой кризис, который похоронит все экономические прогнозы?

Великую депрессию спрогнозировать невозможно. Но многие авторитетные экономисты утверждают, что мир вступает в одну из самых серьезных депрессий за последние десятилетия. Это не значит, что они окажутся правы. Но действительно многие показатели, от которых зависит самочувствие мировой экономики, отвратительны. То, что мы находимся в зоне турбулентности мировой экономики, — факт общепризнанный. Вопрос в том, насколько глубокой окажется депрессия, насколько сильно она скажется на сырьевых ценах, на потоках капитала... Но мы живем уже в другом мире по сравнению с 2006 годом. В нем надо быть предельно мобилизованным, ответственным, не позволять себе ошибок в экономической политике.

Гайдар Егор Тимурович

родился 19 марта 1956 года в Москве. В 1978 году окончил экономический факультет МГУ. Доктор экономических наук. В 1980–1986 годах работал во ВНИИ системных исследований ГКНТ и АН СССР. В 1986–1987 годах — ведущий научный сотрудник Института экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР. В 1987–1990 годах — редактор экономического отдела журнала «Коммунист». В 1990–1991 годах — директор Института экономической политики при АНХ СССР. С октября 1991 года — заместитель председателя правительства РСФСР, министр экономики и финансов РСФСР. В 1992 году — и.о. председателя правительства РФ. В 1992–1993 годах — директор Института экономических проблем переходного периода. С сентября 1993 по январь 1994 года — первый зампред правительства РФ. В 1994–1995, 1999–2003 годах — депутат Государственной думы. С июня 1994 по май 2001 года — председатель партии «Демократический выбор России». В настоящее время — директор Института экономики

переходного периода.

Примечания:

Егор Гайдар — Дмитрию Докучаеву и Андрею Колесникову